

Французская новелла
и миниатюра

**БАЛЬЗАК, МЕРИМЕ,
МОПАССАН, ФРАНС,
ПРУСТ**

Перевод с французского Елены
Айзенштейн

Бальзак, Мериме,
Мопассан, Франс, Пруст

**Бальзак, Мериме,
Мопассан, Франс, Пруст.
Перевод с французского
Елены Айзенштейн**

«Издательские решения»

Бальзак, Мериме, Мопассан, Франс, Пруст

Бальзак, Мериме, Мопассан, Франс, Пруст. Перевод с французского Елены Айзенштейн / Бальзак, Мериме, Мопассан, Франс, Пруст — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838328-1

В книге представлены лучшие произведения французской литературы в жанре новеллы и миниатюры. Бальзак и Проспер Мериме, Мопассан, А. Франс и Марсель Пруст каждый по-своему рассказывают необычные истории о жизни, о любви и творчестве. Особый интерес представляют миниатюры Марселя Пруста из его книги «Дни и наслаждения» (1896), впервые в полном объеме переведенные на русский язык Е. Айзенштейн.

ISBN 978-5-44-838328-1

© Бальзак, Мериме, Мопассан,
Франс, Пруст

© Издательские решения

Содержание

Оноре де Бальзак	6
Неизвестный шедевр	7
Жилетта	7
Катрин Леско	17
Проспер Мериме	22
Этрусская ваза	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Бальзак, Мериме,
Мопассан, Франс, Пруст
Перевод с французского
Елены Айзенштейн**

**Бальзак, Мериме,
Мопассан, Франс, Пруст**

Переводчик Е. О. Айзенштейн

Корректор Е. О. Айзенштейн

© Бальзак, Мериме, Мопассан, Франс, Пруст, 2017

© Е. О. Айзенштейн, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-8328-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оноре де Бальзак

Неизвестный шедевр

Жилетта

В конце 1612 года¹, холодным декабрьским утром, молодой человек, одетый легко, не по погоде, прогуливался перед дверью дома, расположенного на улице Гранд Августен в Париже. После довольно долгого метания по этой улице с чувством любовника, который не осмеливается предстать перед своей первой возлюбленной, он закончил тем, что переступил порог и спросил, дома ли Франсуа Порбю², это было его жилище. Услышав утвердительный ответ, он увидел старую женщину, занятую подметанием нижней залы; молодой человек медленно поднялся наверх, останавливаясь на лестнице, как какой-нибудь новоиспеченный придворный, обеспокоенный, как с ним поступит король. Когда поднялся наверх, на мгновение он остановился на лестничной площадке, колеблясь, возьмет ли в руки забавный молоток, украшавший дверь мастерской, где работал, без сомнения, художник Генри IV, оставленный ради Рубенса Марией Медичи. Молодой человек испытывал то глубокое чувство, от которого должны трепетать сердца великих художников, с молодой силой и любовью к искусству, оттого что они находятся рядом с гением или с каким-то шедевром. Он жил во всех человеческих чувствах, словно простейший цветок, порожденный благородным энтузиазмом, который постепенно ослабел, когда счастье стало лишь воспоминанием, а слава – ложью. Среди этих хрупких эмоций ничто так не напоминает о любви, как юная страсть художника, начинающего наслаждаться казнью судьбы на пути славы и несчастья, страсть, полная смелости и робости, непостоянства веры и некоторого уныния. А тот, кто в пору легких денег и прорастания гения, глубоко не трепещет перед учителем, тот теряет сердечную струну, я не знаю что еще, касание кисти, чувство в работе, какую-то поэтическую экспрессию. Если некоторые кичливые фанфароны сами слишком быстро верят в будущее, они не люди духа, разве что для глупцов. В этом отношении молодой незнакомец, казалось, имел настоящие достоинства, если бы талант измерялся этой первой робостью, той бесконечной стыдливостью, обещающей людям славу, вдруг исчезающую в их занятиях искусством, как прекрасная женщина теряет ее в карусели кокетства. Привычка к триумфу уменьшает сомнения, а сдержанность может быть сомнительна.

Подавленный нищетой и пораженный этим мгновением самоуверенности, бедный неопит не войдет к художнику, у которого мы должны восхищаться портретом Генри IV, без необычной помощи, которую ему пошлет случай. Старик поднимался по лестнице. Благодаря странному его костюму, великолепным спускающимся кружевам ручной работы, решительной надежности походки, молодой человек предположил в нем покровителя или друга художника; он отступил назад, чтобы уступить ему место на лестнице, и с любопытством посмотрел, пытаясь обнаружить в нем явную натуру художника или личность, покровительствующую людям искусства, но заметил что-то дьяволическое в этой фигуре и, не знаю как, особенно захватывающее художников. Представьте лысый лоб, куполообразный, выпуклый, опускающийся на небольшой, расплюснутый нос, закругленный на конце, как у Рабле или Сократа; смешливый и морщинистый рот, гордо поднятый короткий подбородок, дополнен-

¹ Новелла Бальзака была опубликована в 1831 году: 1) «Мэтр Френхофер» и 2) «Екатерина Леско». Через 15 лет под названием «Неизвестный шедевр» она вошла в Человеческую комедию.

² Франс Пурбус Младший (1569—1622) – фламандский художник. Наиболее известны его произведения «Тайная вечеря», «Св. Франциск, получающий стигматы Христовы», «Портрет Генриха IV», «Портрет Марии Медичи». В 1609 году Пурбус стал художником Марии Медичи при французском дворе.

ный заостренной на конце седой бородой, зеленые глаза цвета моря, потускневшие от возраста, но контрастирующие с белым перламутром плавающих зрачков; они должны были иногда кидать магнетический взгляд в момент гнева или воодушевления. Лицо выражало возрастную усталость, более еще, усталость мыслей, которая в равной мере соединяла душу и тело. Глаза уже не имели ресниц, но были видны небольшие следы бровей в надбровных дугах. Соедините эту голову с хрупким и немощным телом, окружите сверкающим белизной кружевом, сработанным, как чешуйки под мелкой теркой для рыбы, киньте на черный комзол старика тяжелую золотую цепь, и вам представится совершенный образ этого человека, которому тот час на низкой лестнице придавал фантастический ореол. Вы могли бы сказать, что перед вами идущий в черной воздушной молчании без рамы холст Рембрандта, соответствующем этому великому художнику. Старик бросил на молодого человека прозорливый, острый взгляд, троекратно постучал в дверь, сказав мнительному человеку, примерно сорока лет, который пришел открывать:

– Здравствуйте, мэтр.

Порбю почтительно поклонился; он позволил войти молодому человеку, думая, что тот пришел со стариком, и волновался меньше, чем неофит, остававшийся в состоянии, в котором должен находится новоиспеченный художник в ожидании первой мастерской, которую он увидит и где рождаются некоторые материальные процессы искусства. Открытое арочное окно освещало мастерскую мэтра Порбю. Сконцентрировавшись на полотне, висевшем на мольберте, на котором не было пока ничего, кроме трех-четырех оттенков белого, день не достиг еще черной глубины углов этой обширной комнаты; но какие-то отражения блуждали, освещая эти рыжие тени серебряного платья с панцирем из пластинок, висящего на стене, поцарапанный несколькими резкими внезапными бороздами света изваянный карниз и навощенный древний сервант, нагруженный диковинной посудой, и ужаленную яркими пучками света зернистую основу старых золотых парчовых штор, с большими ломаными складками, брошенных в качестве модели для живописи. Ободранные алебастровые детали, фрагменты и торсы античных богов, любовно отлакированных поцелуями веков, покрывали стеллажи и консоли. Бесчисленные наброски, этюды тремя карандашами, сангиной или пером, покрывали стены до потолка. Здесь были ящики для красок, бутылки масла и эссенции, стремянка, опрокинутая и не оставлявшая дороги, чтобы добраться к арке высокого стеклянного окна, лучи из которого падали на бледную фигуру Порбю и на необычный череп цвета слоновой кости. Вниманием молодого человека сразу завладела исключительно картина, которая в это время хаоса и волнений революции стала уже знаменитой и с которой познакомились некоторые из упрямцев, хранившие сакральный огонь в дурные дни. Прекрасное полотно изображало Марию Египетскую, которая обещала плату за переправу в лодке. Этот шедевр, предназначенный для Марии Медичи, был продан в дни ее нищеты.

– Твоя святая мне нравится, – сказал старик Порбю, – и я заплатил бы за нее тебе 10 экю золотом, по королевской цене, но посмотри на эти недостатки холста. Дьявол!

– Вы находите холст хорошим?

– Эх, эх, – сказал Старик. – Хорошо? ... И да, и нет. Твоя прекрасная женщина неплохо сделана, но она неживая. Вы другие, вы полагаете, что можете сделать все, когда вы правильно рисуете фигуру и по анатомическому закону ставите каждую вещь на место! Расцвечиваете эти линии ясным тоном и держите одну сторону более в тени, чем другую, и поскольку вы время от времени смотрите на обнаженную женщину, которая находится рядом с картиной, вы полагаете, что копируете натуру, воображая себя художником, обнажающим секреты Бога! Фу! Недостаточно знать глубину синтаксиса и не делать ошибок в языке, чтобы быть большим поэтом. Посмотри на твою святую, Порбю! В первом рассмотрении, она кажется восхитительной, но со второго взгляда мы заметим, что она приклеена к холсту, и мы не можем охватить взглядом ее фигуру. Это силуэт, данный единственно

в лице, вырезанное явление, образ; его нельзя ни повернуть, ни изменить его позу. Я не чувствую воздуха между руками и фоном картины; пространство и глубина отсутствуют; однако все хорошо в перспективе, исчезновение воздуха точно заметно. Но, несмотря на похвальные усилия, я не верю, что это тело будет душой, наполненным дыханием жизни; мне кажется, если я коснусь рукой этого бюста с его округлой полнотой, я обнаружу холод мрамора! Нет, мой друг, кровь не бежит под этой кожей слоновой кости, не вздымается под этими пурпурными розовыми венами и волокнами жил, которые переплетаются в тканях под прозрачным янтарем виска и груди. В этом месте есть пульс жизни, но другое неподвижно, жизнь и смерть сражаются в каждой детали: здесь эта женщина, там – статуя, а дальше – труп. Твое творение не окончено. В твоём милом произведении тебе недостаёт части твоей души. Огонь Прометея много раз гас в твоих руках, и большого пространства твоей картины не коснулось небесное пламя.

– Но почему, мой дорогой учитель? – сказал с уважением к старику Порбю, так что молодой человек был полон силы и желания противостоять.

– Ах! Вот, – сказал маленький старик. – Ты нерешительно плывешь между двумя системами, между рисунком и цветом, между дотошной скупуплезностью и ценным излучением старых немецких учителей и ослепительным пылом, счастливым изобилием итальянских мастеров. Ты хочешь имитировать разом Ганса Голбейна³ и Тициана, Альбрехта Дюрера и Паоло Веронезе. Конечно, это великолепные амбиции! Но что из этого получится? Ты не имеешь ни строгого очарования строгости, ни переполняющей венецианскую палитру иллюзии светотени

В этом месте расплавленная бронза словно разрывает слишком слабую форму, богатый белый цвет Тициана вспыхивает, вопреки контурам Дюрера, где ты их формируешь. Кроме того, линия выдержана и содержит великолепные излишества венецианской палитры. Твое изображение не имеет совершенства ни в рисунке, ни в живописи и всегда ступает дорогой этой несчастной нерешительности. Если ты не почувствуешь достаточно сил, чтобы соединить огонь твоего гения одновременно с двумя конкурирующими манерами, тебе придется, не колеблясь, найти связь между одним и другим, закончить объединением того, что моделирует жизнь. Ты не на истинном пути, но посередине, твои контуры ошибочны, они не заставляют оглянуться и не предвещают ничего впереди. Дальше, здесь, есть правда жизни, – сказал старик и показал на грудь святой. – Потом здесь, – продолжал он, отмечая на картине точку на плече. – Но там, – закончил он, проведя посередине бюста, – все неправильно. Ничего не проанализировано, это попытка выразить твое отчаяние.

Старик сел на лестнице, схватился за голову руками и оставался молчалив.

– Мэтр, – сказал Порбю, – однако я особенно хорошо изучал обнаженность этого бюста, но, к нашему несчастью, настоящие впечатления природы невозможно отразить на холсте.

– Миссия искусства – не копировать природу, но пересоздавать! Ты не копиист, но поэт! – живо воскликнул старик, останавливая Порбю деспотическим жестом. – Иначе бы скульптор оставлял все свои работы, отливая женский слепок. Хе! Хорошо! Попытайся сделать слепок с руки твоей любовницы и поставь перед собой, ты найдешь ужасный труп без какого-то сходства, и ты попытаешься найти резец скульптора, которым, без точной копии, ты придашь движение и жизнь. Мы пытаемся ухватить дух, душу, физиономию вещей и творений. Какой эффект! Впечатления! Но все это случаи жизни и нежизни. Рука, потому что я беру этот пример, рука не просто часть тела, она выражает и продолжает мысль, и нужно схватить ее и воплотить. Ни художник, ни поэт, ни скульптор не должны отделять явле-

³ Ганс Голбейн (1497—1543) – один из величайших немецких художников. Родился в Германии, учился живописи у отца. В своих работах уделял внимание тщательному рисунку, цвету и светотеням.

ние от причины, которая несокрушима одна в другом! Там сражается истина! Большинство художников побеждают инстинктивно, не зная этой основы искусства. Вы рисуете женщину, но вы ее не видите. Это не принудительная победа над тайнами природы. Создаваемая вами рука, без всякой вашей мысли, – модель, которую вы копируете у вашего учителя. Вы не погружаетесь в достаточной мере в таинство формы, вам недостает любви и настойчивости для восприятия ее в поворотах и преображениях. Красота – вещь строгая и сложная, которая не остается на завоеванной позиции, и нужно ждать часами, шпионя, активно тесня и плетя сети, чтобы заставит ее отдаться. Форма – самый неуловимый Протей⁴ и самый изобретательный, более, чем мифологический Протей; только после долгих сражений мы можем заставить его явить свой действительному облик; вы другие! вы довольствуетесь первой видимостью произведенного, или второй, или третьей; это не то, что движение победителей! Эти непобежденные художники не оставляют возможности обмана, они воспринимают природу в ее изменениях, показывают ее обнаженно и в истинном духе.

– Так действовал Рафаэль, – сказал старик, сняв черную велюровую шляпу, чтобы оказать свое уважение к королю искусств, – великое превосходство сокровенных мыслей у него, кажется, стремится разбить Форму. Форма в его образах – посредник, сообщающий предмету идеи, чувства, огромную поэзию. Все изображения – это мир, зарисовки, чьей моделью становится высшее видение, озарение, рисунок, указанный внутренним голосом, обработанный небесной десницей, которая развивается в течение всей жизни – подлинном источнике экспрессии. Вы одеваете ваших женщин в прекрасные чувственные одежды, с красиво убранными волосами, но где кровь, которая проявляет спокойствие или страсть, причина особенных впечатлений? Твоя святая – брюнетка, мой бедный Порбю, но эта блондинка! Ваши изображения – только бледные цветные фантомы, какие вы предлагаете нашим глазам, и вы называете это живописью и искусством. Поскольку вы делаете что-то, что напоминает больше женщину, чем дом, вы думаете, что попали в цель, и гордитесь, что не нужны надписи, *cirrus venustus*⁵ или *pulcher homo*⁶, как у первых художников; вы воображаете себя потрясающими художниками! Ха! Ха! Вы не там еще, мои смелые товарищи, и вам необходимо хорошенько использовать карандаши, покрывая ими холсты, прежде чем приступить к работе. Несомненно, женщина несет свою голову таким образом, она так держит свою юбку, и ее глаза погружаются в атмосферу покорной нежности, осязаемы тени плывущих ресниц на щеках! Это так и не так. Что же отсутствует? Ничего, но это ничего – всё. Вы фиксируете внешнюю жизнь но вы не слишком выражаете это полноводье чувств, и я не знаю, что за душа, может быть, плывет облакообразно и обволакивает нас, этот цветок жизни, которому удивлялись Тициан и Рафаэль. Исходя из высшей точки Вашего видения, можно создать, может быть, отличную живопись; но вы слишком быстро остановитесь. Профан zalюбуется, а истинно знающий улыбнется. О Мабюс, о мой учитель, – добавил тот же необычный человек, – ты вор, ты утащил жизнь с собой! А что касается этого холста, – продолжал он, – подобное полотно лучше, чем картины этого странного Рубенса с горами фламандского мяса, посыпанного киноварью, с волнистыми рыжими шевелюрами, с его шумихой цвета. По крайней мере, у вас есть цвет, чувство и рисунок, три необходимых составляющих искусства.

– Но эта святая великолепна, милый человек! – воскликнул сильным голосом юноша, выходя из глубокой задумчивости. – Эти две фигуры, святая и лодочник, отмечены утонченным стремлением пренебречь итальянской живописью, я не знаю ни одного, кто придумал бы такого нерешительного лодочника.

⁴ Протей – образ греческой мифологии, помощник Посейдона. Упоминается в Одиссее Гомера.

⁵ Прекрасная колесница (лат.).

⁶ Красивый человек (лат.)

– Этот маленький забавник ваш? – спросил Порбю старика о молодом человеке.

– Увы, мэтр, извините мою дерзость, – ответил неофит, покраснев. Я незнаменит, рисовальщик по импровизации, приехал недавно в этот город, источник всей науки.

– За работу! – сказал ему Порбю, предоставив карандаш и лист бумаги.

Незнакомец проворно скопировал черты Марии.

– О! о! – воскликнул старик. Ваше имя?

Молодой человек написал внизу: Николя Пуссен⁷.

– Вот неплохо для начала, – сказал известный нам старик, говоривший так резко. – Я вижу, что с тобой можно потолковать о живописи. Я не обвиняю тебя, что ты любишь святой Порбю. Это шедевр для всего света, и только приоткрыв самые глубокие тайны искусства, можно понять, в чем его ущербность. Но поскольку ты достоин урока и в состоянии осмыслить, я попытаюсь тебе показать, как мало вещей нужно, чтобы дополнить эту работу. С твоими глазами и вниманием подобная возможность может никогда и не представиться. Твоя палитра, Порбю?

Порбю пошел искать палитру и кисть. Маленький старик резким дрожащим движением закатал свои рукава, просунул палец в пеструю насыщенную палитру, которую подал Порбю; он поскорей вырвал у Порбю из рук букет кистей всех размеров, и его заостренная на кончике борода внезапно угрожающе сильно шевелилась, выдавая зуд творческой фантазии. Все изменения колорита он пробуркивал между зубами.

– Вот хорошие оттенки, для того чтобы кинуть их за окно тем, кто имеет представление о композиции; они грубы и фальшиво возмутительны, как рисовать? Потом он погрузил с живой пламенностью кончик кисти в других коробках с цветом, в которых он очень быстро просматривал целую гамму оттенков, как соборный органист на Пасху, бегло пробежавший свой клавиш.

Порбю и Пуссен были неподвижны каждый со своей стороны полотна, погруженные в самое пылкое созерцание.

– Видишь ты, видишь, – говорил старик, не поворачиваясь, – как средствами трех или четырех касаний и небольшого количества голубоватой глазури мы можем создать циркуляцию воздуха вокруг головы этой бедной святой, которую должна была подавить сама сгущенная эта атмосфера! Посмотри, как по-настоящему развевается драпировка, и понимаешь, что поднялся ветер! Раньше там был только воздух накрахмаленной ткани, поддерживаемой булавками. Заметь, как мерцает атласом положенный мной на грудь тон, хорошо передавая гибкую грацию кожи молодой женщины, и как смешанный коричнево-красный колорит и обжигающая охра разогревают холодную серость этой огромной тени, где застывает кровь, вместо того, чтобы бежать. Молодой человек, молодой человек, тому, что я покажу, никакой учитель не сможет тебя научить. Мабюс один был посвящен в секрет, как дать жизнь этим образам. Мабюс не имел ни одного ученика, кроме меня. У меня никого нет, и я стар! А ты достаточно умен, чтобы добиться остального, потому что тебе я даю возможность это ощутить.

Сказав, странный старик коснулся всех частей картины: здесь два взмаха кисти, там один, но показалось, что можно говорить о новой живописи, имея в виду новое освещение.

Он работал с таким страстным пылом, что пот лежал на его строгом лбу; он шел такими быстрыми, такими нетерпеливыми маленькими движениями и так порывисто, что юному Пуссену казалось, словно в членах старика находилось странное демоническое существо, против человеческой воли фантастическидвигающее руками. Сверхъестественный свет глаз, судорожные движения сообщали этой мысли подобие истины, которая должна

⁷ Николя Пуссен (1594—1665) – знаменитый французский художник. По происхождению нормандец. Любил историко-мифологические сюжеты. Основатель классицизма.

воздействовать на юное воображение. Старик проговорил: «Так, так, так! Вот это масло, молодой человек! Видишь, мои маленькие мазки порыжили твой ледяной оттенок! Итак, приступим. Пам! Пам! Пам! – сказал он, разогревая детали, где отметил неточности жизни, исчезающие под несколькими слоями цвета разного темперамента и улучшил использование оттенков, которые выражали египетскую пылкость. – Видишь, малыш, ничего, кроме последнего взмаха кисти, который только и идет в счет. Порбю сделал сотню мазков, я – лишь один. Никто из нас не чувствует признательности к тому, что внизу. Хорошо усвой это!»

Наконец этот демон остановился, повернулся к Порбю и Пуссену, молчавшим в восхищении, и сказал им:

– Это еще не стоит моей Belle-Noiseuse⁸, однако мы можем поставить свое имя под подобной работой. Да, я ее подпишу, – присоединил он, поднявшись, чтобы взять лупу, в которую собирался посмотреть на картину. – Теперь пойдем завтракать, – сказал он. – Последуем в мою комнату. У меня есть копченая ветчина и хорошее вино. Хе! Хе! Несмотря на недобрые времена, мы беседуем о живописи! Мы сильны. Вот юноша, – добавил он, ударив по плечу Николя Пуссена, – который имеет легкость.

Заметив затем ничтожное пальто нормандца, он вынул из-за пояса кожаный кошелек, покопался в нем, достал два золотых и протянул ему:

– Я покупаю твой рисунок, – сказал он.

– Возьми, – сказал Порбю Пуссену, видя, что тот покраснел и вздрогнул от стыда, потому что молодой художник обладал гордостью бедняка. – Возьми, он богаче двух королей!

Все трое покинули мастерскую и направились, размышлять об искусстве в прекрасный деревянный дом, расположенный рядом с мостом Сен-Мишель, чьи орнаменты, молоко, обрамление рам, арабески околдовали Пуссена. Подающий надежды художник оказался вдруг в низкой зале, перед хорошим камином, рядом со столом, заполненным аппетитными кушаньями, и невиданное счастье охватило его в компании двух доброжелательных великих художников.

– Молодой человек, – сказал Порбю юноше, изумленно глядящему на картину, – не слишком смотрите на этот холст, иначе вы придете в отчаяние.

Это был Адам, которого выполнил Мабюс, чтобы выйти из тюрьмы, где так долго удерживали его кредиторы. Эта фигура обеспечивала впечатление такой полной власти реальности, что Николя Пуссен начал в этот момент понимать истинный смысл смущающих слов, сказанных стариком. Тот видел, что воздух написан удовлетворительно, но смотрел без энтузиазма и словно бы говорил: «Я сделал бы лучше!»

– Это из жизни, – сказал старик. – Мой бедный учитель поразителен, но в центре полотна немного отсутствует правда жизни. Человек очень живой, он сам поднимается и приближается к нам. Но воздух, небо, ветер, которым мы дышим, видим и чувствуем, не таковы. И потом, нет еще там человека! Или в единственном человеке, который только что вышел из рук Божьих, должно быть еще что-то божественное, но оно отсутствует. Мабюс сам с досадой сказал об этом, когда не был пьян.

Пуссен смотрел на Порбю и на старика попеременно, с беспокойным любопытством. Он приблизился к старику, словно для того чтобы спросить имя владельца; но художник, желая сохранить тайну, приложил палец к губам; и молодой человек с живым интересом смотрел в молчании, надеясь, что рано или поздно по какому-то слову он сможет угадать имя того, чьи богатство и таланты были достаточно удостоверены тем уважением, которое оказывал ему Порбю и нагроможденными диковинами этой залы.

⁸ Прекрасная проказница, спорщица (франц.)

Пуссен, увидев в темной дубовой полировке великолепный портрет женщины, воскликнул:

– Какой хороший Джорджоне⁹!

– Нет, – ответил старик, – вы видите мою первую мазню.

– Ты бог, я у бога живописи, – наивно сказал Пуссен.

Старик улыбнулся, как человек, давно знакомый с этой похвалой.

– Мэтр Френофер¹⁰! – сказал Порбю, – не можете ли вы откупорить немного вашего хорошего рейнского вина для меня?

– Две, – ответил старик. – Одну, чтобы оплатить удовольствие, что я нынешним утром увидел твою прекрасную грешницу, другую – в качестве дружеского презента.

– Ах, если бы я теперь не так страдал, – проговорил Порбю, – и если бы вы пожелали показать мне вашу Belle-Noiseuse¹¹, я мог бы создать что-то по-настоящему высокое, широкое и глубокое, где фигуры были бы в натуральную величину.

– Поднимите мое произведение, – воскликнул взволнованный старец. – Нет, нет, я еще должен его доработать. Вчера, к вечеру, – сказал он, – я думал, что завершил ее. Эти глаза мне казались влажными, плоть живой. Косы волос шелохнулись. Она дышала! Хотя я нахожу средства, реализованные на этом полотне, плоскими по рельефу и полноте натуры, сегодняшним утром я понял мою ошибку. Ах! Чтобы прийти к славному результату, я основательно учился у великих колористов, анализировал и поднимал слой за слоем картины Тициана, короля света; как этот полновластный художник, я сделал эскиз моей фигуры в ясном тоне, мазками мягкими и насыщенными, так как тени не что иное, как случай, запомни это, малыш. Потом я вернулся к моей работе и средствами полутеней и глазури, в которых более и более уменьшал прозрачность, вернул тени несколько контрастнее, почти до черных и углубленных, так как тени художника имеют другую природу, чем их ясные оттенки; это дерево, медь, все, что вы хотите, кроме плоти в тени. Мы чувствуем, что, если бы фигуры изменили позицию, темные места не промылись бы и не стали бы ярче. Я избежал этой ошибки, где многие из самых блистательных провалились, и у меня белизна обнаруживается под непрозрачной, наиболее устойчивой тенью! Как невежественная толпа, которая представляет, что рисует правильно, потому что тщательно соответствуют удаленным чертам, я не отмечал бездушно внутреннего края моей фигуры и не пытался следовать почти мельчайшим анатомическим деталям, так как человеческое тело не заканчивается линиями. В то время как скульптуры могут больше приблизиться к истине. Природа предусматривает продолжение круга, в котором она соединяется сама с собой. Строго говоря, рисунок не существует. Не смейтесь, молодой человек! Хотя особенными кажутся мои слова, когда-нибудь вы поймете, что этому причиной. Линия – это средство, с помощью которого человек возвращает световые впечатления объектам, но это не линия в природе, где всего в изобилии: это моделирование того, что мы рисуем, отсоединяя вещи от той среды, в которой они находятся; распределение света дает внешний вид фигур. Также я не останавливаюсь на чертах, я отвечаю за контуры облака белых полутонов и тепло; нельзя поместить палец точно на то место, где контуры встречаются с глубиной. Вблизи эта работа кажется легковесной и неточной, но с двух шагов все укрепляется, останавливается и отделяется; тело поворачивается, формы становятся выпуклыми; мы чувствуем вокруг циркуляцию воздуха. Однако я еще не удовлетворен, я в сомнениях. Может быть, лучше нужно не рисовать одним прыжком

⁹ Джорджоне (1476 – 1510) – итальянский художник, представитель венецианской школы, один из величайших художников Высокого Возрождения.

¹⁰ Френофер – имя художника установить не удалось. Видимо, оно придумано автором.

¹¹ Художник назвал свою картину по аналогии с картиной Леонардо да Винчи «Прекрасная Ферроньера». Картина выставлена в Лувре. До сих пор точно неизвестно, работа ли это Леонардо или кого-то из его мастерской. Говорят, что картина закончена другой рукой.

ком и схватить фигуру посередине, обращая внимание на более ясные выступы, чтобы затем перейти к более темным деталям. Разве не это совершает солнце, этот удивительный художник мироздания. О! природа! природа! Кто и когда не удивлялся твоему бегу! Держитесь! Наука, как и невежество, приносит отрицание. Я сомневаюсь в моем произведении!

Старик сделал паузу, потом проговорил:

– Вот десять лет, молодой человек, что я работаю, и эти десять пробежавших лет надо было сражаться с природой? Мы пренебрегаем временем, которое использовал господин Пигмалион, чтобы сделать одну статую, умеющую ходить!

Старик впал в глубокую задумчивость и остановил свой взгляд на машинальной игре собственным ножом.

– Перед нами разговор со своим разумом, – сказал Порбю, понижая голос.

После этих слов Николя Пуссен почувствовал себя под необъяснимой властью любознательности художника. Этот старик со своими белыми глазами, внимательный и дикий, должно быть, стал для него величайшим из людей; он предстал фантастическим гением, живущим в неизвестной сфере. В молодом человеке он пробудил тысячи мыслей, смущавших его душу. Нравственный феномен этого очарования не мог воздействовать более, как человек не в состоянии перевести эмоции, которые станут песней, рассказывающей о родине в сердце изгнанника. Презрение старика к выражению самых прекрасных стремлений искусства, его богатство, манеры, почтение к нему Порбю, эта картина, долгое время держимая в секрете, произведение терпения, гения, без сомнения, и, если поверить голове святой, которой молодой Пуссен так искренне любовался, такой прекрасной, что даже Адам Мабюса подтверждал: она сделана высочайшим из князей искусств, – все в этом старике выходило за границы человеческой природы. То, что богатое воображение Николя Пуссена могло ясно ухватить и воспринять, видя это сверхъестественное бытие, этот сложный образ артистической природы, эту безумную натуру, которая так властна рассказывает и слишком вводит в заблуждения, уводя в холод разума буржуа и каких-то любителей, через тысячи каменных дорог, где для них нет ничего; в то время как резвится в этих фантазия девушка с белыми крыльями, открывая эпопеи, замки, произведения искусства. Насмешливая и прекрасная натура, плодоносная и бедная! Для энтузиаста Пуссена, таким образом, старик должен был быть внезапным праздником Преображения, самим Искусством, Искусством с его тайнами, неистовствами и фантазиями.

– Да, мой дорогой Порбю, – проговорил Френофер, до сих пор я не встречал безупречной женщины, с фигурой, чьи контуры будут совершенной красоты и чье воплощение... Но где она живая, – сказал он порывисто, – эта ненайденная древняя Венера, если ищем, и кто из нас встретил ее немного туманную красоту? О! увидеть бы на мгновение, однажды, изумительную натуру, сложную, идеальную, и я, наконец, отдал бы все мое богатство, но пошел бы искать в твоих краях, небесная красота! Как Орфей, я спустился бы в ад искусства, чтобы увести жизнь.

– Мы можем уйти отсюда, – сказал Порбю Пуссену, – он нас больше не слышит, нас больше не видит!

– Пойдемте в его мастерскую, – ответил околдованный молодой человек.

– О! Старый мэтр сумел защитить вход. Эти сокровища слишком хорошо хранятся, чтобы можно было к ним пройти. Я не ждал вашей рекомендации и вашей фантазии, чтобы попытаться атаковать тайну.

– Однако есть тайна?

– Да, – ответил Порбю. – Старый Френофер – единственный ученик, которого хотел создать Мабюс. Став ему другом, спасителем, отцом, Френофер посвятил самую большую часть своих сокровищ удовлетворению страсти Мабюса; в обмен Мабюс завещал ему секрет рельефа, власть дать образам невероятную жизнь, цветение натуры, наше вечное отчаяние;

но Френофер смог так хорошо создать это, что однажды продал и пропил дамасские шелковые цветы, в которых должен был войти в Charles-Quint; он сопровождал своего учителя в одежде из расписанной под шелк дамасской бумаги.

Особенный блеск материала, избранного Мабюсом, удивил императора, который, когда обман открылся, хотел похвалить и защитить старого пьяницу. Френофер – человек страстный для нашего искусства, видевший дальше и шире, чем другие художники. Он глубоко размышлял о цвете, об абсолютной истине линий, но, исследуя их, стал сомневаться в объекте изучения. В эти моменты отчаяния он заключал, что рисунок не существует и нельзя создать его с помощью геометрических фигур, и это правда, потому что мыслью и сажей, которая не цвет, мы можем создать фигуру, доказывающую, что наше искусство, как и природа, состоит из бесконечных элементов: рисунок дает скелет, цвет – жизнь, но жизнь без скелета – вещь не более совершенная, чем скелет без жизни. Наконец, есть кое-что более истинное, чем перечисленное, практика и наблюдение – все это есть у художника, и если логика и поэзия бранятся из-за кистей, нам приходится сомневаться, как порядочным людям, не безумен ли художник. Великий художник имеет несчастье родиться богатым, вот что ему разрешает разглагольствовать. Не подражайте! Работайте! Живописцы не должны размышлять, какие кисти в руке.

– Мы проникнем туда, – воскликнул Пуссен, больше не слушая Порбю и ни в чем не сомневаясь.

Порбю улыбнулся энтузиазму юного незнакомца и оставил его с мыслью о просмотре.

Николя Пуссен сделал несколько медленных шагов по улице Арфы и прошел, не заметив, скромный отель, где он жил. Поднявшись с взволнованной быстротой по нищей лестнице, он вошел в высокую комнату, расположенную под бревенчатой крышей, бесхитростно и легко покрывали такие кровли дома старого Парижа. У особенного темного окна этой комнаты он увидел юную девушку, которая на шум двери вдруг встала в любовном порыве; она узнала художника по звону щеколды.

– Это ты? – сказала она ему.

– Я, я, – сказал он, задохнувшись от удовольствия, – почувствовал себя художником! До сих пор я сомневался в себе, но этим утром поверил в самого себя! Я могу стать великим человеком! Пойдем, Жилетта, мы будем богаты, счастливы! Есть золото в кистях.

Но внезапно он умолк. На его торжественном и сильном лице исчезла экспрессия радости, когда он сравнил огромность надежд с посредственностью своих материальных возможностей. Стены его жилища были покрыты простой бумагой, заполненной карандашными набросками. Он не обладал и четырьмя собственными полотнами. В ту пору краски стоили дорого, и бедный молодой человек видел свою палитру немного голой. В рамках этой нищеты он был невероятно сердечно богат и чувствовал это; его пожирал избыток гениальности. Приехав со своими друзьями в Париж или, может быть, из-за собственного таланта, он встретил вскоре возлюбленную, одну из благородных и щедрых душ, которая была готова была пострадать ради великого человека, выйти замуж за страдания и постараться понять их причуды, делаясь сильнее в нищете и любви, как другие неумоимо черпают роскошь и производят смор своей бесчувственности. Улыбка блуждала по губам Жилетты, озолотившей чердак и осветившей его небесным светом. Солнце не сверкает всегда, но она всегда была здесь, сосредоточенная на своей страсти, связанная со своим счастьем и страданием, утешавшая гения, которого, прежде чем он предался искусству, переполняла любовь.

– Послушай, Жилетта, посмотри.

Пораженная и радостная девушка прыгнула к художнику на колени. Она вся была грациозная, прекрасная, красивая, как весна, наделенная всеми женскими очарованиями, и светила огнем прекрасной души.

– О Бог! – воскликнул он, – я никогда не осмелюсь ей сказать!

– Тайна? – спросила она. – Я хочу ее знать.

Пуссен оставался в раздумье.

– Итак, скажи.

– Жилетта! Бедное любящее сердце!

– О! Ты чего-то хочешь от меня?

– Да.

– Если ты желаешь, чтобы я еще позировала тебе, как в тот день, – повторила она, немного надувшись, я никогда, больше никогда не соглашусь, так как там, в эти моменты, твои глаза ничего мне не говорят. Ты совсем не думаешь обо мне, однако смотришь на меня. Любишь ли ты меня больше, копируя другую женщину?

– Может быть, – сказал он, – если б она была бы очень уродлива. – Эх! Хорошо, – продолжал Пуссен серьезным тоном, – если моя слава пришла, если мне суждено сделаться великим художником, тебе нужно будет пойти позировать к другому?

– Ты хочешь меня проверить, – сказала она. – Ты хорошо знаешь, что я не пойду.

Пуссен склонил свою голову на грудь, как человек, переживающий радость или страдание слишком сильно для своей души.

– Послушай, – сказала она, потянув Пуссена за рукав его изношенного камзола, – я тебе говорила, Ник, за тебя я отдам мою жизнь; но я никогда не обещала тебе, я, живая, отречься от моей любви.

– Отречься? – переспросил Пуссен.

– Если меня также изобразит другой, ты перестанешь меня любить. И я сама найду себя недостойной тебя. Повиноваться твоим капризам, это ли не природная и простая вещь? Вопреки себе, я счастлива и сама горда, что сделалась твоим дорогим капризом. Но для других... Уж нет.

– Извини, моя Жилетта, – сказал художник, кинувшись перед ней на колени. – Мне меньше нравится быть любимым, чем знаменитым. Для меня ты прекраснее, чем фортуна и честь. Пойдем, бросим мои кисти, сожжем эти эскизы, Я себя обманывал. Мое предназначение – любить тебя. Я не художник, я влюбленный. Пускай погибнет искусство и все его тайны!

Она восхитительная, счастливая, очаровательная! Она царствует, она инстинктивно чувствует, что искусство забыто для нее и кинуто к ногам, как зерно ладана.

– Однако я не то, что этот старик, – продолжал Пуссен, – он не сможет увидеть в тебе женщину. Ты само совершенство!

– Нужно очень любить, – воскликнула она, готовая пожертвовать его сомнениям свою любовь, чтобы компенсировать возлюбленному все жертвы, которые он принес. – Но, – повторила она, – этим ты погубишь меня. Ах! Потеряешь меня. Да, это прекрасно, но ты меня забудешь. О! какую проклятую мысль ты держишь в голове?

– Держу и люблю тебя, – сказал он как-то сокрушаясь, – однако я опозорен.

– Посоветуемся с отцом Ардуином? – сказала она.

– О нет! Это будет тайной между нами двумя.

– Ну, хорошо, я пойду, но не будь там, – сказала она, – оставайся за дверью, вооруженный кинжалом; если я закричу, войди и убей художника.

Не видя больше ничего, кроме своего искусства, Пуссен стиснул Жилетту в своих объятиях.

– Он больше не любит меня, – подумала Жилетта, когда осталась одна.

Она уже раскаивалась в своем решении. Но вскоре она станет свидетельницей ужаса, более жестокого, чем ее страдания. Она старалась отогнать ужасные мысли, которые поднимались в ее сердце. Она верила, что любит художника уже меньше и считала его менее достойным ее любви, чем раньше.

Катрин Леско

Через три месяца после названной встречи с Пуссеном Порбю решил посетить мэтра Френофера. Старик был добычей глубокого уныния, и непосредственной причиной этого были, если верить математикам от медицины, проклятый пищеварительный процесс, жара, какая-то ипохондрическая отечность, а, следуя спиритуалистам, несовершенство нашей моральной природы. Очевидно, этот человек был измучен окончательным завершением своей таинственной картины. Он устало сидел в огромном дубовом резном кресле, оправленном черной кожей, и, оставаясь в своем меланхолическом настроении, бросил на Порбю взгляд человека, соответствующий его настроению.

– А! Хорошо, мэтр, – сказал ему Порбю, – ультрамарин, который вы искали в Брюгге, отвратителен, это оттого, что вы не смогли измельчить наши новые белила, ваше масло зло или кисти строптивы?

– Увы, – воскликнул старик, – я поверил на некоторое время, что мое произведение завершено; но я, конечно, ошибся в нескольких деталях, и я не буду спокоен, пока не проясню мои сомнения. Я решился поехать путешествовать в Турцию, в Грецию, в Азию, чтобы поискать натуру и сравнить мою картину с различными женскими образами. Может быть, там, наверху, – скользнул он довольной улыбкой, – я захватил саму природу. Иногда я почти боюсь, что дыхание проснется в этой женщине и она исчезнет.

Потом он вдруг поднялся, чтобы уйти.

– О! О! – ответил Порбю, – я пришел вовремя, чтобы избавить вас от расходов и усталости путешествия.

– Каким образом? – спросил удивленный Френофер.

– Юный Пуссен любит женщину несравненной красоты, без всякого несовершенства. Но, мой дорогой мэтр, если вы согласитесь на одолжение и позволите нам увидеть ваш холст.

Старик остался стоять в неподвижности, в совершенном ошеломлении.

– Как? – воскликнул он, наконец, страдаяще, – показать мое творение, мою жену? Разорвать покрывало, которым я целомудренно закрыл мое счастье? Но это была бы ужасная проституция! Вот уже десять лет я вижусь с этой женщиной, она моя, только моя, она меня любит. Не она ли улыбалась мне на каждый взмах кисти, который я ей отдавал? Она душа, душа моего таланта, которой я ее одарил. Она покраснеет, если другие глаза, а не мои остановятся на ней. Попробовать показать ее! Но какой муж или любовник настолько гнусен, чтобы гнать свою жену к бесчестью! Когда ты создаешь картину для двора, ты не кладешь всю душу свою, ты продаешь куртизанку, как выкрашенного манекена. Моя живопись – это не живопись, это чувство, страсть! Рожденная в моей мастерской, она должна остаться святой и не выйдет без одежды. Поэзия и женщины обнажаются только перед их любовниками. Можем ли мы похвастаться, что изучили модели Рафаэля, Анжелику де Ариосте, Беатриче Данте? Нет! Нет! Мы не увидим ничего, кроме формы. Эх! Да, работа, которую я держу высоко, под замками, это исключение в нашем искусстве. Это не холст, это женщина, с которой я смеюсь, плачу, судачу и мыслю. Ты хочешь, чтобы я вдруг покинул счастье десяти лет, как бросают пальто? Внезапно я перестану быть отцом, возлюбленным и Богом. Это женщина не существо, она само творчество. Приводи твоего молодого человека, я дам ему мои сокровища, я дам ему картины Корреджо, Микеланджелло, Тициана, я поцелую след его шагов в пыли; но сделать его моим соперником? Стыд мне! Ха-ха! Я больше влюбленный, чем живописец. Да, до моего последнего вздоха у меня будет сила сжечь мою Belle-Noiseuse, мою очаровательную возлюбленную; но выдержать взгляд человека, молодого человека, художника? Нет, нет! Я завтра же убью того, кто осквернит ее взглядом! Я тебя мгновенно убью, тебя, моего друга, если ты не склонишь перед ней колени! Ты хочешь теперь, чтобы

отдал моего тайного кумира холодным взглядам и глупой критике остолопов? Ах! любовь – это тайна, и жизнь – только в глубине сердец, и все пропадает, когда сам человек говорит об этом своему другу:

– Вот то, что я люблю!

Казалось, старик помолодел, его глаза заблестели и оживились; бледные щеки приобрели розоватый оттенок, руки дрожали. Порбю, изумленный страстной яростью, с которой произносились эти слова, не знал, что ответить на новое глубокое это чувство. Френофер разумен или безумен? Был ли он во власти фантазии художника, или мысль его выражала непередаваемый фанатизм, связанный с мучительным рождением великого создания? Могли ли мы когда-нибудь надеяться на то, что нам уступит эта странная страсть старика?

Став добычей всех этих мыслей, Порбю сказал Френоферу: – Но разве это не женщина в обмен на женщину? Разве Пуссен не привел свою возлюбленную, чтобы вы ее увидели?

– Какая возлюбленная? – ответил Френофер. Рано или поздно она предаст. А моя будет всегда верна!

– Эх! Хорошо, – продолжал Порбю, – не будем больше говорить об этом. Но до того момента, пока вы сможете найти в самой Азии такую же прекрасную, такую же совершенную женщину, о которой я говорю, вы, может быть, умрете, не закончив вашу картину.

– О! Полотно завершено, – сообщил Френофер. – Кто увидит, сможет постичь женщину, лежащую на бархатной кровати, под куртинами. Рядом с ней – золотой постамент, источающий ароматы. Ты захочешь попытаться ухватиться за шнуры, которые поддерживают занавес. И поймешь, что видишь грудь Катарины Леско, прекрасной куртизанки, названной *la Belle Noiseuse*, полную дыхания. Однако я очень хочу быть верным...

– Тогда отправляйтесь в Азию, – ответил Порбю, заметив какое-то колебание взгляда Френофера.

Порбю попытался сделать несколько шагов к двери залы. И в этот момент Жилетта и Николай Пуссен пришли в жилище Френофера. Когда молодая девушка была у самого входа, она отпустила руку художника и отступила, как будто охваченная каким-то внезапным предчувствием.

– Но что я буду здесь делать? – глубоким голосом спросила она, взглянув на своего возлюбленного,

– Жилетта, ты остаешься моей возлюбленной, и я хочу тебе повиноваться во всем. Ты моя совесть и слава. Вернись в мое жилище, и я буду счастлив, может быть, чем если ты...

– Я, когда ты мне это говоришь... О! Я не больше ребенка. Пойдем, – добавила она, сделав яростное усилие. – Если наша любовь погибнет, если я почувствую в моем сердце протяжное разочарование, не будет ли твоя известность наградой за покорность твоим желаниям? Войдем в дом, будем жить дальше, продлим нашу любовь, чем быть всегда только воспоминанием на твоей палитре.

Открыв дверь дома, любовники встретились с Порбю, который был удивлен красотой Жилетты, чьи глаза были еще полны слез, и почувствовал весь трепет, предназначенный увидеть старику Френоферу:

– Смотрите, – сказал Порбю, – не является ли она всеми шедеврами мира?

Френофер вздрогнул. Жилетта предстала с простым и наивным чувством молодой, невинной, испуганной грузинки, похищенной и предложенной разбойниками какому-то работорговцу. Стыдливый румянец освещал ее лицо, она опустила свои глаза, руки висели по сторонам, в них, казалось, отсутствовала сила, целомудренные слезы протестовали против принуждения. В этот момент Пуссен, в отчаянии оттого, что вытащил на свет это сокровище чердака, проклинал самого себя. Он был более любовником, чем художником, и тысяча сомнений терзали его сердце, когда он видел глаза молодящегося старика, который,

по привычке художника, раздевал взглядом, чтобы сказать, что эта молодая девушка обладает совершенством форм. К Пуссену вернулась ревнивая сила истинной любви.

– Жилетта, пойдем! – воскликнул он.

На этот звук, на этот крик его возлюбленная радостно подняла глаза, взглянула на него и кинулась в его объятия.

– Ах! так ты меня любишь, – ответила она, утопая в слезах.

После перенесенного страдания в ней отсутствовала сила, чтобы скрыть свою радость.

– О! оставьте мне ее на минуту, – сказал старый художник, – и вы сравните с ней мою Катарину. Да, я согласен.

В возгласе Френофера была еще любовь. Кокетством казалось его чувство к подобию женщины; он испытывал триумф заранее, прежде чем красота образа должна будет одержать верх над настоящей юной девушкой.

– Не позволяйте ему говорить, – воскликнул Порбю, ударив по плечу Пуссена. – Плоды любви уходят быстро, а искусство бессмертно.

– Для него, – ответила Жилетта, внимательно посмотрев на Пуссена и Порбю, – я не более, чем женщина? – Она подняла голову с гордостью; но когда кинула сверкающий взгляд на Френофера, вдруг увидела своего любовника, занятым созерцанием нового портрета, который он недавно принял за Джорджоне.

– Ах! – сказала она, пойдем! Он никогда не посмотрит на меня так же.

– Старик, – сказал мечтательным голосом Пуссен, которого Жилетта заставила выйти из состояния размышления, – видишь этот нож, я погружу его в твое сердце при первом слове жалобы, которую произнесет юная девушка, я зажгу огонь в твоём доме, и никто не выйдет. Понял ли ты?

Николя Пуссен был мрачен, и его слова были ужасны. Эта решительность и особенно жест юного художника утешили Жилетту, которому она почти простила жертву во имя живописи и его будущей славы. Порбю и Пуссен оставались у двери мастерской и смотрели друг на друга в молчании. Вначале автор Марии Египетской позволил сам некоторые восклицания:

– Ах! она разделась, и он сказал ей подойти к свету. Он ее сравнивает!

Вскоре он замолчал, так как лицо Пуссена сделалось глубоко печальным, и, хотя старые художники не так щепетильны перед тем, что не представляет искусства, Порбюс любовался Пуссеном, таким наивным и прекрасным. Молодой человек держал в руках кинжал и был наготове, и ухо его почти приклеилось к двери. Оба, стоящие в тени, казались двумя конспираторами, ждущими часа поражения тирана.

– Входите, входите, – сказал излучавший радость старик. Мое произведение совершенно, и теперь я могу показать его с гордостью. Никогда живопись, кисти, краски, холст и свет не пытались соперничать с прекрасной куртизанкой Катариной Леско. Проявляя живое любопытство, Порбю и Пуссен вбежали на середину покрытой пылью огромной мастерской, где все было в беспорядке, тут и там они видели картины, висевшие на стенах. Они остановились прямо перед полуобнаженной фигурой женщины, в натуральную величину, которой оба стали любоваться.

– Ох! Не занимайтесь этой ерундой, – сказал Френофер, – этот холст я использовал, чтобы отработать позу, эта картина ничего не стоит. Вот мои ошибки, – повторил он им, показывая великолепные композиции, развешанные на стенах вокруг них.

Порбю и Пуссен, изумленные этими словами по отношению к увиденным ими произведениям, стали искать обещанный портрет и не находили его.

– Э-э, хорошо, вот! – сказал им старик, чьи волосы были в беспорядке, чье лицо пламенело, от невероятной экзальтации, глаза искрились, и он напоминал молодого человека, пьяного от любви.

– Ах! ах! – воскликнул он, – вы не ожидали такого совершенства! Вы были перед женщиной, и вы искали картину. Есть такая глубина в этом полотне, воздух такой подлинный, что вы не можете больше отличить воздух, который нас окружает. Где же искусство? Пропало, исчезло! Вот сами формы молодой женщины. Разве я не сумел хорошо ухватить цвет, жизнь линий, которые, кажется, заканчивают части тела? Не есть ли это сам феномен, как мы представляем объекты, существующие в атмосфере, как рыбы в воде? Восхититесь, как выделяются контуры на фоне! Не кажется ли вам, что вы можете провести рукой по этой спине? В течение семи лет я работал над эффектом сочетания света и объектов. И эти волосы... свет не затопляет их, не так ли? Но она дышит, я полагаю... Эта грудь, видите? Кто не хотел бы обожать ее, склонив перед ней колени? Трепещущая плоть. Она сама подойдет, подождите.

– Вы что-нибудь определили? – спросил Пуссен Порбю.

– Нет. А вы?

– Ничего.

Два художника оставили старика в его экстазе, посмотрели на свет, отвесно падающий на полотно, которое он им показывал, не нейтрализует ли он все эффекты. Они стали анализировать живопись справа, слева, прямо перед собой, наклонившись и поднявшись.

– Да, да, это хороший холст, – сказал Френофер, неправильно поняв цель этого скуплезного изучения. – Держите, вот рамы, мольберт, наконец, вот мои краски, мои кисти. И он стал сравнивать щетину кистей, которые он доставал с наивным движением.

– Старик играет с нами, – сказал Пуссен, возвращаясь к рассматриваемому полотну. – Я не вижу ничего, кроме смущенного цвета, собранного и помещенного беспорядочного множества странных линий, которые формируют стену живописи.

– Мы обмануты, видите? – повторил Порбю. Приблизившись, они заметили в углу, с краю, холст, в котором обнаруживался хаос цветов, оттенков, неясных нюансов, туманное бесформенное пространство, но с очаровательными ступнями, с живыми ногами! Они окаменели в восхищении перед фрагментом, в котором скользило нечто невероятное, но медленно и постепенно разрушавшееся. Эта нога появилась там, как торс какой-нибудь паросской мраморной Венеры, которая возникла среди обломков сгоревшего города.

– Там, ниже, женщина, – сказал Порбю, обращаясь к Пуссену, следившему за цветом, который старый художник последовательно накладывал, стремясь совершенствовать свою живопись.

Два художника неожиданно повернулись к Френоферу, начиная понимать, хотя и смутно, экстаз, в котором он жил.

– Это настоящая вера, – сказал Порбю.

– Да, мой друг, – ответил старик, придя в себя, нужна вера, вера в искусство, в течение долгого времени нужно жить с предметом, чтобы создать подобное творение. Некоторые из этих теней мне стоили большого труда. Смотрите, на щеке, под глазами, легкая полутень, если вы наблюдаете натуру, вам это покажется почти непередаваемой. Эх, хорошо, верите ли вы, что этот эффект мне стоил неслыханной боли, которую я передал? Но также, мой дорогой Порбю, посмотрите внимательно на мою работу, и вы лучше поймете, что я хочу сказать о способе обработки деталей и контуров.

Посмотрите на освещение груди, и вы как будто коснетесь и почувствуете сильно загрунтованные блики. Я достигаю приближения к истинному свету и комбинирую сверкающую белизну ясных оттенков, и, как в противоположной работе, стираю выступы и шероховатости мазков; я мог лелеять контуры моей фигуры, ныряя в полутона, почти избавленные от идеи рисунка и искусственных средств, придавая фигуре природные вид и объем. Приблизьтесь, и вы лучше увидите эту работу. Издали это исчезает. Чувствуете? Там это, я полагаю, заметно.

И кончиком кисти он указал двум живописцам на ясного цвета мазки.

Порбю, повернувшись к Пуссену, ударил старика по плечу:

– Знаете ли вы, что перед нами величайший художник? – сказал он.

– Он еще больше поэт, чем художник, – серьезно ответил Пуссен.

– Там, – повторил Порбю, касаясь холста, – заканчиваются наше земное искусство.

– А здесь пропадает в небе, – сказал Пуссен.

– Сколько наслаждения в куске холста! – воскликнул Порбю.

Старик не отзывался и улыбался своей воображаемой им женщине.

– Но рано или поздно он определит, что за его холстом ничего нет, – сказал Пуссен.

– Ничего за моим холстом? – повторил Френофер, глядя прямо на двух художников и на картину, о которой шла речь.

– Что вы сделали! – ответил Порбю Пуссену.

Старик с силой схватил руку молодого человека и сказал ему:

– Ты ничего не видел, деревня! молокосос! монстр! болван! бастард! Зачем ты сюда явился? Мой дорогой Порбю, – продолжал он, обращаясь к художнику, – вы тоже, вы разыгрываете меня? Ответьте, я ваш друг, скажите, я испортил мою картину?

Порбю стоял в нерешительности, не осмеливаясь ничего сказать, но тревога на побелевшем лице старика была так сильна, что он показал на холст и сказал:

– Видите!

Френофер созерцал свою картину несколько мгновений и заколебался.

– Ничего, ничего! И это работа десяти лет!

Он сел и заплакал.

– Я глупец, безумец! У меня не было ни таланта, ни способностей, я не более, чем богатый человек, торговец, и мне нечего продать! Я ничего не создал.

Сквозь слезы он созерцал свой холст, вдруг поднялся с гордостью и кинул на двух художников сверкающий взгляд.

– Клянусь кровью, телом, головой Христа, вы ревнуете, вы хотите, чтобы я поверил, что она испорчена, чтобы украсть ее! Я вижу сам. Она волшебна-прекрасна.

В этот момент Пуссен слышал плач Жилетты, забытой в уголке.

– Что ты, мой ангел? – спросил художник, внезапно превращаясь в влюбленного.

– Убей меня! – сказала она. – Я еще позорно люблю тебя, несмотря на то, что я презираю тебя. Я восхищаюсь тобой, и ты приводишь меня в ужас. Я люблю тебя и ненавижу.

Пока Пуссен слушал Жилетту, Френофер покрыл свою Катарину зеленой саржей с серьезным спокойствием ювелира, который верил, что имеет дело с компанией ловких воров. Он бросил на художников глубокий взгляд, полный презрения и подозрений, молча с судорожной быстротой раскрыл дверь своего ателье. Затем он сказал им у порога:

– Прощайте, мои милые друзья.

Это прощание охладило двух художников.

На следующий день Порбю, обеспокоенный, вернулся, чтобы повидать Френофера, и узнал, что ночью тот умер, после того как сжег свои холсты.

Проспер Мериме

Этрасская ваза

Огюста Сен-Кле не любили в том, что мы называем светом; по принципиальным причинам, он не стремился наслаждаться общением с людьми, которые ему не нравились. Он искал одних и бежал от других¹².

Кроме того, он был рассеян и празден. Однажды вечером, когда он вышел из итальянского театра, маркиза А*** спросила его, как пела мадемуазель Зонтаг¹³. «Да, мадам», – ответил Сен-Кле, приятно улыбаясь и думая совсем о другом. Мы не могли бы объяснить этот забавный ответ робостью; так он говорил с великим князем, со значительным лицом и с самой модной дамой, с большим апломбом, как будто он был им равным. Маркиза решила, что Сен-Кле – чудо дерзости и самодовольства.

Мадам Б*** пригласила его на обед в понедельник. Она говорила с ним, и, выйдя от нее, он объявил, что никогда не встречал женщины приятнее. В течение месяца мадам Б*** набиралась сведений у других и разбазаривала их в один вечер у себя. Сен-Кле увиделся с ней в четверг той же недели. В этот раз он немного скучал. Другой визит заставил его подумать больше не задерживаться в ее салоне. Мадам Б. заключила, что Сен-Кле – молодой человек без манер и самого ужасного воспитания.

Он был нежен и добр сердцем, но находился в том возрасте, когда слишком легко впитываются впечатления, которые делятся потом всю жизнь; слишком эмоциональной была его чувствительность, и он привлекал из-за нее насмешки своих товарищей. Он был горд, честолюбив, похож на нежного ребенка.

Таким образом, он пытался скрывать все, на что он смотрел как на неблагородную слабость. Он ждал своей цели; но победа стоила ему дорого. Он мог таить другие, слишком нежные эмоции своей души, но, затворившись в себе самом, становился в сто раз более жестоким. В свете он имел печальную репутацию бесчувственного и беззаботного человека, а в одиночестве его беспокойное воображение создавало мучения самые ужасные, которыми он не имел желания гордиться и никому о них не рассказывал.

Правда, что ему было трудно найти друга! «Трудно! Но возможно ли? Могут ли два человека не иметь секретов друг от друга?» Сен-Кле вряд ли верил в дружбу, и это отмечалось окружающими. Он вел себя холодно и закрыто с молодыми людьми из общества. Никогда он не выводил их тайн; но все его мысли и большая часть его действий были для них тайной.

Французы любят говорить о них самих; таким же был и Сен-Кле, и, несмотря на это, он хорошо хранил тайны. Его друзья (это слово ничего не означает, кроме того, что они виделись два раза в неделю), жаловались на то, что он не доверял им; на самом деле, те, кого мы делаем частью нашей тайны, обычно обижаются, что не становятся частью нашей. Мы полагаем, что должны иметь взаимность в неблагодарности.

– Он застегнут до подбородка, – сказал однажды прекрасный командир эскадрона Альфонс де Темин. – Я никогда не мог иметь большого доверия к этому дьяволу де Сен-Кле.

– Я его считаю немного иезуитом¹⁴, – вторил ему Жуль Ламбер, – кое-кто меня осудит за эти слова, но я встретил его два раза, выходя из Сен-Суплис¹⁵. Никто не знает, о чем он думает. Что касается меня, я никогда не мог быть бы откровенен с ним.

¹² Первый французский перевод «Этрасской вазы» в 1830 году был выполнен Д. В. Григоровичем. При составлении примечаний использованы некоторые примечания издания 1830 года.

¹³ Зонтаг Генриэтта (1806–1854) – немецкая певица, с успехом выступавшая в Париже на сцене Итальянской оперы. Давала концерты в Москве и Петербурге в течение 1830–1837 гг. Жила в Петербурге в течение десяти лет.

¹⁴ Иезуиты были изгнаны из Франции еще в 1594 году, в день казни Шастеля. Им было разрешено вернуться в 1603 году.

Они расстались. Альфонс встретил Сен-Кле на Итальянском бульваре, идущим с опущенной головой и никого не видящим. Альфонс остановился, протянул ему руку, и, перед тем как они пришли на улицу Мира, рассказал Сен-Кле всю историю любви к мадам ***, чей муж – ревнивец и негодяй.

Этим самым вечером Жуль Ламбер потерял свои деньги в карточной игре экарте¹⁶. Он пошел танцевать. Танцуя, Жюль заметил, что толкнул человека, который также потерял все свои деньги и был в отвратительном настроении. Они сказали друг другу несколько резких слов, и последовал вызов. Жюль просил Сен-Кле быть его секундантом, по этому случаю занял у Сен-Кле деньги, которые все время забывал ему вернуть.

Кроме всего, Сен-Кле был человеком, большей частью живущим легко. Его недостатки не вредили никому, кроме него самого. Он был благороден, незамедлительно дружелюбен, редко скучал. Он много путешествовал, много читал, но рассказывал о своих путешествиях и о чтении, только когда это требовалось. Кроме того, он был огромен ростом, хорошо сложен, его лицо было благородно и одухотворенно, почти всегда слишком серьезно, но улыбка исполнена пленительной грации.

Я забыл упомянуть о важной особенности: Сен-Кле был внимателен ко всем женщинам и ценил беседу с ними больше, чем мужскую.

Был ли он влюблен? Трудно было это решить. Просто если этот холодный внешне человек любил, красота графини Матильды де Корси должна была бы быть объектом его предпочтения. Эта юная вдова, у которой постоянно видели его. Чтобы заключить об их близости, имелось следующее представление: сначала почти церемонная вежливость обращения Сен-Кле с графиней, и наоборот, никакой аффектации при упоминании о ней в свете, или, если необходимо было говорить о ней, он никогда не ее не хвалил; потом, перед тем как Сен-Кле ей представили, он страстно любил музыку, а графиня имела вкус к живописи. С того момента как они увиделись, их вкусы изменились. Наконец, в прошлом году графиня была на водах. Сен-Кле уехал через шесть дней после нее.

Мой долг историка обязывает меня осветить июльскую ночь, несколько моментов перед восходом солнца, открытые ворота парка в деревенском имении, в которые вышел человек со всеми предосторожностями вора, который выглядел удивленным. Этот деревенский дом принадлежал мадам де Корси, а этот человек был Сен-Кле. Женщина в плаще сопровождала его до ворот; она стояла с непокрытой головой, чтобы долго видеть его, пока он спускался по тропинке, которая нисходила вдоль стены парка. Сен-Кле остановился, кинул вокруг себя быстрый взгляд, и рука сделала прощальный знак женщине. Ясная ночь позволяла разглядеть ее бледную фигуру, теперь неподвижно застывшую на том самом месте. Он сделал несколько шагов, приблизился к ней и нежно взял ее за руки. Он хотел попросить разрешения вернуться, хотел сказать ей еще сотни вещей. Их беседа продолжалась в течение десяти минут, когда послышался голос крестьянина, который вышел для работы в поле. Был дан последний поцелуй, надо было возвращаться, ворота закрылись, Сен-Кле прыгнул и оказался на краю тропинки.

Он следовал по дороге, которая была ему хорошо известна, так что он прыгнул почти с радостью и побежал, ударяя кусты своей тростью; потом остановил себя и пошел медленно, посмотрев на небо, которое розовело на востоке. Короче говоря, на первый взгляд, мы можем сказать, это был счастливый безумец, сломавший свою клетку. После получаса ходьбы он был у двери маленького уединенного домика, который сдается на сезон. У него

Орден был запрещен папой Климентом XIV в 1773 году.

¹⁵ Парижская церковь Сен-Сюльпис и находившаяся при ней семинария руководились в то время иезуитами.

¹⁶ Экарте – старинная карточная игра, в которой обычно принимают участие два партнера. Возникла между слугами, а затем проникла в высшие круги. Ее правила таковы, что позволяют быстро оторваться от игры, а затем ее возобновить.

был ключ, он вошел, потом кинулся на большую кушетку, и взгляд его остановился; его рот вился в нежной улыбке; он подумал, что собирается встать пораньше. Его воображение ничего не рисовало ему, кроме радостных мыслей: «Как я счастлив! – говорил он себе каждое мгновение. – Наконец я встретил сердце, которое понимает мое! Да, это мой идеал, который я нашел... У меня есть теперь и друг, и любовница... Какой характер! ...какая страстная душа! Нет, она никогда никого не любила до меня». Как скоро тщеславие всегда скользит в светских делах: «Это самая прекрасная женщина Парижа!» – подумал он. И его воображение мгновенно нарисовало ему все ее прелести. «Она выбрала меня между всеми. Она имела поклонников из высшего общества. Этот полковник-гусар так интересен, так смел и не слишком толст; и молодой автор, который делает эти прекрасные акварели и отлично играет словами, этот русский Ловелас, который видел Балканы и который служил при Дибиче¹⁷; главным образом, Камилл Т., для которого обычный дух прекрасных манер – хороший удар саблей в лоб, – она от всех отвернулась. И я! Еще раз повторяю этот рефрен:

– Как я счастлив! Как я счастлив!» – и он поднялся, открыл окно, словно не мог дышать, потом он прошелся, затем вернулся к кушетке.

Радостный возлюбленный так же скупен, как несчастный любовник. Один из моих друзей, который находился и в том, и в другом положении, не мог найти другого средства заставить меня слушать иначе, чем за отличным завтраком, в течение которого он мог свободно говорить о своей любви; дойдя до кофе, нужно было абсолютно переменить тему разговора.

Поскольку я больше не могу кормить завтраками всех моих читателей, к их удовольствию, я им сообщу любовные мысли Сен-Кле. Притом мы не можем все время витать в облаках. Сен-Кле устал, зевнул, вытянул руки и увидел, что наступил день; наконец, он захотел уснуть. Когда проснулся, он посмотрел на часы: оставалось мало времени, чтобы переодеться и бежать в Париж, где его пригласили позавтракать с несколькими знакомыми молодыми людьми.

Мы пришли откупорить одну-другую бутылку шампанского; я оставляю читателю определить их число. Довольно знать, что мы пришли в тот момент, который наступает довольно быстро за завтраком молодых людей, когда все хотят говорить разом и прекрасные головы начинают с проектов, а заканчивают проклятиями.

– Я хотел бы, – сказал Альфонс де Темин, который никогда не упускал случая поговорить об англичанах, – я хотел бы в Париже, как и в Лондоне, произносить всякий тост в честь своей возлюбленной. В этом случае мы бы точно знали, по кому вздыхает наш друг Сен-Кле. Говоря так, Альфонс де Темин наполнил свой бокал и бокалы своих друзей.

Сен-Кле, немного смущенный, приготовился отвечать, но Жуль Ламбер его предупредил:

– Я очень одобряю такое употребление, – сказал он, – и я это принимаю, – и, подняв бокал, добавил: – за всех модисток Парижа! Я исключаю только тех, кому за тридцать, слепых, хромых и так далее...

¹⁷ Дибич Иван Иванович (1785—1831) – русский фельдмаршал, участник войны 1812 года и ряда других кампаний; особенно отличился в русско-турецкую войну 1828—1829 годов. Полный кавалер ордена св. Георгия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.